

DOI 10.25991/VRHGA.2022.5.4.014

УДК 27–144.89; 27–675

*М. Ю. Хромцова**

ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО МНОГООБРАЗИЯ***

В статье анализируются пневматологические концепции современных теологов Ю. Мольтмана, К. Пиннока, А. Йонга и В.-М. Кярккайнена, в рамках которых подчеркивается универсальный, динамический, эсхатологический характер деятельности Святого Духа. Мыслители акцентируют преимущества пневматологического подхода в теологии религий. По их мнению, признание присутствия Духа в мире религий способствует открытости христианства по отношению к другим традициям.

Ключевые слова: пневматология, христология, теология религий, межрелигиозный диалог.

M. Y. Khromtcova

PNEUMATOLOGICAL TURN IN MODERN THEOLOGY AND THE PROBLEM OF RELIGIOUS DIVERSITY

The article analyzes the pneumatological concepts of modern theologians J. Moltman, C. Pinnock, A. Jong and V.-M. Karkkainen, which emphasize the universal, dynamic, eschatological nature of the activity of the Holy Spirit. Thinkers emphasize the advantage of the pneumatological approach in the theology of religions. According to them, the recognition of the presence of the Spirit in the world of religions contributes to the openness of Christianity towards other traditions.

Keywords: pneumatology, Christology, theology of religions, interreligious dialogue.

* Хромцова Марина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики факультета философии, богословия и религиоведения, Русская христианская гуманитарная академия; marina-chr@list.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–011–44055 «Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна».

Еще несколько десятилетий назад теологи, исследующие различные аспекты пневматологии, сетовали на то, что в богословии недостаточно внимания уделяется деятельности и роли Святого Духа в жизни человечества. В западной теологии долгое время устойчиво преобладала христологическая точка зрения. Как утверждал В. Панненберг, все богословские утверждения обретают христианский характер только через их связь с Иисусом, следовательно, богословие может прояснить свое христианское самопонимание лишь посредством тематического и всестороннего участия в христологических проблемах [13, р. 11]. Многие отмечали, что пневматология являлась забытой областью в систематической теологии, Дух уподобляли «пасынку» теологии, «Золушке в Троице» [7, р. 240]. Мольтман объясняет это реакцией на своего рода «новую ортодоксию» Евангелической церкви, христосцентризм богословия Карла Барта, не оставляющего места для независимого учения о Духе [1, с. 1]. Западное христианство не уделяло должного внимания единству Духа и Христа в своем богословии. В отличие от этого православные мыслители всегда последовательно поддерживали баланс и взаимодополняемость их отношений [18, р. 6]. Предвестниками возрождения интереса к пониманию деятельности Духа стали харизматические и пятидесятнические движения, в которых «переживание» Святого Духа в жизни христиан действовало как катализатор и основа для богословских размышлений. Постепенно в работах видных деятелей католической и протестантской мысли второй половины XX века все больше утверждался интерес к этой проблематике. Как отмечал Р. Имбелли, многие события в богословии со времен II Ватиканского собора прямо или косвенно безоговорочно были помещены под знамение Духа [3, р. 488]. Сегодня уже можно свидетельствовать о повороте к пневматологии в большей части современной теологии. Этот поворот является в то же время поиском более адекватного для сегодняшнего дня способа говорить о Боге, его присутствии и деятельности не только в Церкви, но и во всем Божьем мире [2, р. 22].

В свою очередь, интерес к пневматологии затрагивает разные аспекты богословских исследований, оказывает влияние на понимание доктрины творения, Троицы, Христа, спасения и церкви. Акцент на учении о Духе оказывается более плодотворной теологической основой для взаимодействия с современным миром. Пневматология сегодня открывает возможности для вступления богословия в разговор с наукой. Так, К. Ранер в 1970-х годах первым назвал святой Дух «энергетическим полем», далее М. Велкер и В. Панненберг использовали термин «силовое поле», а Ю. Мольтман и К. Пиннок — «жизненная сила». Эти примеры оказывают, что богословие и наука могут быть лучше интегрированы с помощью учения о Духе в рамках новаторских пневматологических подходов. Кроме того, пневматология может открыть многообещающие возможности для христианской церкви и человечества в их противостоянии современным вызовам, и сегодня ставятся задачи поиска новых интерпретаций деятельности Духа для мира, страдающего от экстремизма, фундаментализма, экологического кризиса [18, р. 413].

Теологически сегодня произошел сдвиг от христологической парадигмы к пневматологической, в рамках которой стали интерпретироваться такие об-

ласти современного богословия, как богословие культуры, постколониальное богословие, экуменическое богословие, экологическое богословие. В данной статье внимание будет сфокусировано в большей степени на влиянии пневматологического поворота на область теологии религий: все чаще богословы акцентируют внимание на присутствии Духа в мире религий, а признание этого способствует открытости христианства по отношению к другим традициям и побуждает церковь вступать в диалог с ними.

Особый вклад в развитие современной пневматологии внесли работы Юргена Мольтмана. Его книга *«Дух жизни. Целостная пневматология»* подчеркивает важную роль Святого Духа во всех сферах жизни. Мольтман истолковывает Святой Дух

как «матерь жизни», как «силу жизни» и «пространство жизни», как «источник энергии и поле силы» и как в божественных энергиях «струящуюся личность» [1, р. IX].

Он делает акцент на творческом и животворящем характере работы Духа, действие которого можно почувствовать в человеческом и космическом планах, во всяком жизненном опыте, личном и общем, оно универсально и различимо во всем, что служит жизни и защищает ее от разрушения. Человеческий опыт жизни Мольтман богословски истолковывает как жизнь «в Духе». Являясь духом Христа, Дух выступает как искупительный, с другой стороны, являясь Духом Отца, он выступает и Духом творения. Автор приветствует новые подходы к изучению Духа, открывающегося как жизненная сила в природе, в растениях, в животных и экосистемах земли [1, р. 12]. Каждое человеческое сообщество укоренено в своих естественных экосистемах и живет за счет обмена энергии с ними. Таким образом у Мольтмана само понимание «общение в Святом Духе» расширяется и включает в себя все сообщество творения, а связь между этим аспектом пневматологии и антропологией непосредственно приводит автора к построению программы экологической теологии.

Разрабатывая свою тринитарную пневматологию, Мольтман подчеркивает связь Духа с Отцом и приписывает «далеко идущему решению в пользу филиокве» чрезмерный акцент на искупительной работе Духа за счет созидательного аспекта: Святой Дух стал пониматься исключительно как «Дух Христа», а не одновременно и как «Дух Отца», оказываясь изначально подчиненным Сыну. Однако, настаивает Мольтман, если взглянуть на опыт Духа, то можно увидеть, что Дух предворяет пришествие Христа. Отец рождает Сына силой предвечного Духа. Дух исходит от Отца и призывает Сына, почивает на нем и изливается из него [1, р. 86–87]. При таком рассмотрении становится возможным воспринять взаимность отношений между Святым Духом и Христом в их многообразных проявлениях. В событии смерти и воскресения Христа также раскрывается это «взаимное отношение» [1, р. 73]. Отношения Христа и Духа троично вплетены друг в друга, речь должна идти, настаивает автор, о троичном многомерном взаимодействии в Боге [1, р. 86]. Взаимосвязь между пневматологией и христологией, с точки зрения автора, должна рассматриваться как основополагающий принцип христианского богословия, поэтому необходимо отказаться от христомонизма и поместить христологию и пневматологию в рамки охватывающей их тринитарной структуры.

Юрген Мольтман известен прежде всего как богослов надежды, и его богословие ориентировано эсхатологически. Источник надежды — убеждение в том, что Бог приведет человеческую историю к блаженному завершению в конце времен.

От начала до конца, а не только в эпилоге, христианство есть эсхатология, есть надежда смотреть вперед и двигаться вперед, а потому также революционизировать и трансформировать настоящее [12, р. 16].

Дух он также понимает как сущность, имеющую эсхатологический характер. Вся история движется к последней цели, эта история есть история Духа и цель истории Духа заключается в эсхатологическом восстановлении всех вещей, их новом творении к вечной славе [1, р. 281]. Мольтман, следуя философии Блоха, акцентирует влияние будущего на настоящее. Церковь, надеясь на осуществление грядущего Царства и устремляясь к нему, живет между свершившейся историей Иисуса и вселенским будущим, в котором эта история завершится, а опыт Духа обосновывает эсхатологическую жажду спасения, обогащает чающих спасения надеждой и подвигает к тому, чтобы противостоять и сопротивляться безбожному миру насилия и смерти [1, р. 89–90]. Мольтман считает, что Дух исходит в мир через событие креста как свидетель страданий [1, р. 76–77]. Он становится свидетелем всей несправедливости этого мира и наделяет страдающих людей силой, способной сопротивляться страданиям и преодолевать их. Такое понимание приводит к политически ориентированной экклезиологии: Церковь как реальное проявление Духа в мире должна выступать против репрессивных режимов и поддерживать угнетенные народы в их стремлении к свободе.

Церковь, как пишет автор, простирается за пределы сотворенного порядка времени и пространства, и это делает её идеальным средством, с помощью которого Бог может восстановить творение через работу Духа. Будучи вселенской по своей природе, она есть уникальный инструмент, участвующий в истории Бога [11, р. 64]. Церковь осознает, напоминает Мольтман, что Христос принес спасение всем людям, поэтому и другие религии включены в Божий вселенский план спасения [11, р. 153]. Христианство и другие религии должны вести диалог ввиду грядущего Царства, уже присутствующего в неполной форме, но открытого для завершения в будущем.

Плодотворный диалог предполагает четкое знание идентичности своей веры, с одной стороны; а с другой — требует ощущения собственной незавершенности и реального чувства потребности в общении с другим [11, р. 159].

Церковь должна помнить, считает Мольтман, что все религии существуют для грядущего Царства и должны быть открыты для изменений. Участие в межрелигиозном диалоге обогащает Церковь, поскольку она может интегрировать определенные культурные и религиозные аспекты других религий в свою собственную. Среди положительных сторон других религий Мольтман особенно фокусирует свое внимание на системе баланса между человеком и природой, которая встречается в анимистических религиях Африки и Азии [11, р. 152]. Как пишет автор,

целью межрелигиозного диалога не может быть слияние религий в единую, но скорее взаимное знакомство и более глубокое открытие собственной идентичности через отношение с другими. Открытость по отношению к другим и стойкость в своей вере являются непременными условиями для межрелигиозного диалога [9, p. 86].

В таком диалоге религии не смешиваются, а возникает сеть взаимоотношений, позволяющая обмениваться религиозными идеями, а также допускающая совместные действия в обществе. Межрелигиозный диалог не должен сводиться к обсуждению догматических вопросов, в первую очередь, необходимо сотрудничать с другими религиями в освобождении мира и подготовке его к грядущему Царству. Поэтому, убежден Мольтман, лучшим способом ведения межрелигиозного диалога сегодня является объединение религий для решения глобальных экологических проблем, вопросов гармонии и единства человека и природы, поскольку они имеют практическую ценность для всего человечества [10, p. 134].

Автор замечает, что великие мировые религии на удивление мало что могут сказать перед лицом современной экологической катастрофы. Они неизменно ориентированы на потусторонний мир, сосредоточившись на нем, они сделали этот мир чужим, сами стали факторами, способствующими сегодняшнему экологическому кризису [8, p. 24]. В силу этого они должны прислушаться к голосу представителей прежде пренебрежительно оцениваемых ими анимистических религий, услышать их послание о гармонии с землей и луной, с природными циклами и ритмами. Необходимо воспринять и перевести для сегодняшнего дня эти древние идеи и установки человечества по отношению к земле, призывает Мольтман.

Не ту религию, которая подчиняется существующей мировой цивилизации, а только религию, которая становится «религией земли», можно считать «мировой религией» [9, p. 88].

Мольтман замечает, что Землю по взаимодействию ее экосистем можно сравнить с «организмом», также имеет смысл говорить о Земле как о «природном субъекте»: в своих реакциях на то, что происходит на ней и за ее пределами, она проявляет себя скорее как активный субъект, чем пассивный объект. Такое понимание обеспечивает мост для экологической реконструкции современного мировоззрения. В прошлом мировые религии считали, что их универсальная значимость и охват расширяются только в человеческом мире. Но если человеческий мир встроен в природу земли и не может без неё выжить, подчеркивает автор, то сама Земля может восприниматься как универсальная сфера действия мировых религий, пространство их встречи и сотрудничества. Мировые религии должны заново открыть для себя забытую экологическую мудрость [8, p. 21–23]. Тогда, как размышляет Мольтман,

из наших различных религий возникнет «религия земли», которая научит человечество новой духовности, посредством которой все люди смогли бы признать себя «детьми земли» [9, p. 88].

Автор говорит о «религии земли» как всеобъемлющей структуре, в которой мировые религии могут встречаться друг с другом и жить бок о бок в гармонии. Христианство также должно найти свой путь от веры в прогресс к жизненной гармонии, найти резонанс с религией земли, чтобы гармонизировать с великой песней божественного творения, спасающей мир [9, р. 89]. По мнению Мольтмана, сегодня мы являемся свидетелями перехода от антропоцентрической к целостной пневматологии, объемлющей все творение и признающей в Духе символ целостности, взаимосвязанности, энергии и жизни.

Тема экологии является новаторским аспектом в пневматологии и экклезиологии Мольтмана, прежде эта тема игнорировалась большинством богословов, но сегодня она является особенно значимой для выживания мира и человечества. Мольтманн включает проблему экологии и в межрелигиозный диалог: эсхатологический план Бога включает не только человечество, но и все творение; творение и искупление неразрывно связаны.

Канадский евангелический богослов Кларк Пиннок в своих работах одним из первых призывает к построению истинно пневматологической теологии религий. В рамках тринитарного подхода христология и пневматология взаимодополняют друг друга и для того, чтобы теологически соотнести универсальность и партикулярность, считает Пиннок, необходимо признать взаимозависимую миссию Сына и Духа:

Христос, единственный посредник, поддерживает конкретность, а Дух — всеместное присутствие Бога, гарантирует универсальность [14, р. 192].

Дух признается им как «таинственное присутствие, дыхание и жизненная сила Бога в мире» [17, р. 77–78]. Пиннок, делая акцент на пневматологии, рассматривает в её перспективе учение о Боге-Троице, творении, экклезиологию и сотериологию. В своей известной книге «*Пламя любви*» он использует слова св. Иоанна Креста, который называл Дух «живым пламенем любви» и прославлял его как отзывчивый, легкий и подвижный, приносящий радость личный дар Бога. Как и Мольтман, Пиннок рассматривает Дух как силу не только спасения, но и творения. Он отмечает, что в акте творения Бог желает привлечь сотворенные существа к соучастию в жизни Отца с Сыном посредством Духа. Именно Дух управляет и направляет вселенную к её конечному завершению через посредство «сначала творческих, а затем искупительных целей Бога» [14, р. 50]. При этом Пиннок стремится объединить богословские и научные представления: рассматривая вопрос «происхождения видов», он утверждает, что силу Духа можно определить как то, что восстанавливает порядок из хаоса и вызывает все более высокие формы жизни [14, р. 68].

Как и Мольтман, он считает, что современная теология религий должна отвергнуть филиокве в качестве важного шага, показывающего, что Дух не привязан исключительно к событию Христа, а скорее, Бог действует Своим Духом во всей истории. Домостроительство Духа таким образом не ограничивается Церковью [17, р. 78]. Пиннок настаивает, что задолго до воплощения Христа Святой Дух активно участвовал в миссии по привлечению людей к любви Бога. Именно Духом Иисус был зачат, помазан, уполномочен на служение, силой Духа свершается Воскресение Иисуса. Таким образом, само служение Сына

является частью продолжающейся работы Святого Духа в творении и спасении [14, р. 80]. Церковь, с точки зрения Пиннока, в день Пятидесятницы получила дар Духа и стала историческим продолжением помазания Иисуса как Христа. Миссия Духа — довести историю до завершения и исполнения во Христе [14, р. 193]. В итоге, именно Дух, по мнению Пиннока, обеспечивает непрерывность творения и искупления, Дух — это изобилие Божьей любви, его деятельность можно увидеть в человеческой культуре и в религиях человечества. Доктрина Троицы показывает, что Бога можно встретить повсюду [17, р. 104].

Кларк Пиннок придерживается в своей концепции позиции инклюдизма, принимающей центральное место Иисуса в Божьем плане спасения, однако, при этом проявляет симпатию к «плюралистической» идее о том, что спасение также доступно во всех религиях [14, р. 185–215]. Он сожалеет, что большинство евангелистов относятся к категории жестких рестриктивистов, что объяснимо влиянием теологии Августина, изложенной Кальвином. Такой позиции сам автор противопоставляет теорию «более широкой надежды на милость Бога» посредством убеждения в том, что искупление через Христа предназначено для всех. Сама Библия завершается красноречиво выраженным оптимизмом спасения, включая обновление всего и спасение всех народов [17, р. 35]. По его мнению, спасение можно обрести вне веры во Христа посредством общего откровения как «потенциально спасающего знания», этому также способствует и предшествующая любому человеческому отклику благодать Бога, доступная всем людям. Дух говорит со всеми в глубине их существа, убеждая их открыться Богу.

Открытость Бога — еще одно измерение его теории «более широкой надежды». Многие евангелисты критически оценили принятие Пинноком «открытого теизма» и, как его следствия, недетерминированного мира. Доктрина «открытого теизма» становится известной с 1994 года, после выхода книги «Открытость Бога», написанной пятью евангелическими учеными под редакцией К. Пиннока. Под влиянием процесс-теологии Пиннок вводит динамическое измерение природы Бога, настаивает на «взаимозависимых отношениях» Бога и человечества, на адаптации планов Бога к изменяющимся условиям. Бог открыт по отношению к будущему, поскольку будущее существует только как возможность, Бог не способен видеть то, что зависит от свободного выбора людей. В такой открытой системе Бог не контролирует, а направляет и поощряет, даруя человечеству истинную свободу и проявляя готовность быть уязвимым для человеческих решений:

Мы можем думать о Боге прежде всего как об отстраненном монархе, отстраненном от случайностей мира, неизменном во всех аспектах бытия, как всеопределяющем и непреклонном властителе, знающем обо всем, что когда-либо произойдет, и никогда не рискующем. Или мы можем понимать Бога как заботливого родителя, обладающего качествами любви и отзывчивости, великодушия и открытости, и ранимости, личность (а не метафизический принцип), которая познает мир, реагирует на происходящее, соотносится и динамически взаимодействует с людьми [15, р. 103].

Опираясь на идею «более широкой надежды», Пиннок утверждает о повсеместном присутствии Духа: хотя Иисус не упоминается в других вероисповеда-

ниях, Дух в них присутствует и может быть испытан [14, р. 204], деятельность Духа не может ограничиваться одним сегментом истории или одной сферой действительности. Служение Духа глобально, оно привлекает, направляет все человечество, а не только Церковь [14, р. 216]. Он утверждает, что христианам необходимо быть «чувствительными к Духу среди людей других вероисповеданий без сведения к минимуму реальных и важных различий между ними» [14, р. 207]. Христиане, считает он, должны искать

«искупительные мосты» к другим традициям, интересоваться, как слово Божье было услышано их приверженцами, смотреть на другие традиции с эмпатическим пониманием и критическим взглядом на нашу собственную традицию [14, р. 201].

Это не умаляет веру во Христа, настаивает автор, а показывает готовность узнать более глубокую истину в ожидании парусии. В диалоге с другими религиями христиане должны принять духовную глубину и правду в них, но отвергать тьму и заблуждения. Пиннок поднимает вопрос о различии духов в разных традициях, указывает на христологические критерии из библейских текстов (1-е Иоанна 4:2–3; Иоанн 16:13–14; 14: 26). Дух Христа присутствует

где, например, мы находим самоотверженную любовь, заботу об обществе, стремление к справедливости, где люди любят друг друга, заботятся о больных, заключают мир, а не войну, где есть красота и согласие, щедрость и прощение [14, р. 209–210].

Другим критерием является согласие с апостольской традицией, Священным Писанием и практикой Церкви. Хотя другие религии могут быть исторически неоднозначными, они также являются динамичными, меняющимися реальностями, открытыми для процесса эсхатологического преобразования, они «все подвержены влиянию Духа, который движет их к завершению» [16, р. 367]. Поэтому Пиннок говорит о необходимости диалога, в который христиане должны входить с христианским обязательством, принимая тот факт, что все утверждения, включая свои собственные, являются временными, но стремятся показать, что откровение Бога в Иисусе Христе лучше всего способно просветить человеческую жизнь и пройти все испытания на истину. Диалог позволяет свидетельствовать о Христе, способствуя усилению миссии, а также позволяет слышать слово Божье от других, углубляя собственное понимание откровения.

Пиннок называл себя «богословом-пилигримом» и описывал свою богословскую одиссею как путь от ярого апологета «консервативно-евангельского» движения к постконсервативному, харизматическому, экуменическому богословию. На этом пути, трансформируя свои взгляды, он вводит целый ряд новых, неортодоксальных идей, вызывающих как несомненный интерес, стимулирующий дальнейшие поиски, так и множество споров.

Подход пятидесятнического богослова Амоса Йонга также иллюстрирует усиление пневматологической тенденции в теологии. Йонг аргументирует необходимость пневматологического подхода, основывая его на фундаментальной концепции Духа как божественного присутствия. Так же, как Мольтман и Пиннок, Йонг полагает, что Дух Бога присутствует и действует на всех стадиях творения. От сотворения мира Дух поддерживает творческий акт Бога, порожд-

дая жизнь, излечивая все изъяны, проистекающие из конечности и падшести, направляя течение истории к её завершению и окончательному торжеству над грехом и смертью [22, р. 43–48]. Автор обосновывает свою онтологию процесса, согласно которой созданные вещи постоянно преобразуются под воздействием Духа. Опираясь на размышления В. Панненберга, он трактует божественное действие с пневматологической и эсхатологической точки зрения: в работе Духа Бог действует из будущего, объективность божественного действия обнаруживается в эсхатологическом вторжении Царства Божьего в конечные цели Бога в мире. Его книгу «*Дух творения: современная наука и божественное действие в пятидесятническом-харизматическом воображении*» можно охарактеризовать как пневматологическое богословие природы [24]. Раскрывая действие Духа в природе, Йонг пытается связать воедино научные и богословские описания, что происходит благодаря попытке восстановить телеологическое понимание Вселенной, в которой объективность следует определять не с точки зрения материальной причинности, а с точки зрения конечных целей Творения. Объективность божественного действия обнаруживается в эсхатологическом вторжении Царства Божьего в конечные цели Бога в мире и такое видение подтверждает, как стремится показать Йонг, и современная наука, в частности эмерджентная космология, освещающая многие важные особенности и процессы в природе.

Йонг рассматривает традиционные модели теологии религии (исключительности, инклюзивности и плюрализма) как слишком узкие, взаимоисключающие платформы, сегодня уже не являющиеся полезными в сложном мире религиозного разнообразия и формулирует альтернативный подход — пневматологическую теологию религии, определяемую им как попытку понять различные переживания веры и многогранные явления религиозных традиций, основанную на опыте Духа в свете Священного писания. Йонг опирается на центральную для своего богословия аксиому: множество языков Пятидесятницы олицетворяют множественность, через которую изрекается истина. Повествование о Пятидесятнице предполагает пневматологию встречи, которая сохраняет целостность религиозной истины за пределами объективизма и субъективизма [23, р. 26]. Дух, излитый на всякую плоть (Деяния 2:17) является и Духом истины (Иоанн 14:17; 15: 26; 1-е Иоанна 5:6), включая и религиозные истины, Дух и свидетельствует об истине, и ведет ищущих истину (Иоанн 16: 13). Такое понимание, как стремится пояснить автор, снимает субъект-объектный дуализм — в гегелевской трактовке выхода за пределы посредством включения и сохранения и объективности, и субъективности:

...излияние Духа в Пятидесятницу позволяет нам преодолеть объективистский дуализм, который появляется (по крайней мере на поверхности), чтобы отделить религиозных других от нас самих. Другие уже не являются полностью другими по отношению к нам самим. Скорее, между нами и другими теперь заново установлены взаимоотношения посредством Духа Божьего... Короче говоря, языковые, культурные и религиозные границы между человеческими существами теперь размыты, если не преодолены [23, р. 30].

С другой стороны, в прочтении Пятидесятницы как межрелигиозного события сохраняются и религиозные различия, подразумевается единство

во множественности. Таким образом, указывает Йонг, повествование о Пятидесятнице подрывает радикальный тезис о несоизмеримости традиций, но не стирает при этом отличительные особенности каждой из них. Дух объединяет различные вещи в целостность без растворения их индивидуальной идентичности, поэтому религиозный другой в пневматологическом отношении может свидетельствовать нам об универсальной истине, сохраняя в то же время свою идентичность как радикально отличный от нас. Кроме того, напоминает Йонг, религиозная истина имеет эсхатологический характер: в ожидании окончательного и полного откровения Бога в конце времен создается экзистенциальное и диалогическое пространство для множественности религиозных голосов и их свидетельств истины (1 Тим. 5:19), что также дает обоснование многомерности, многовалентности и сложности религиозной истины [23, р. 35].

Идея пневматологического воображения была введена Йонгом для моделирования пути между универсальным фактом человеческого знания и частными, традиционными способами такого знания. Он считает, что разум и сердце интергированы в «пневматологическом воображении», что обеспечивает более целостную, объединяющую рациональное и образное, позицию по отношению к миру, опосредующую взаимодействие с миром посредством образов, полученных из опыта. Как пишет автор,

пневматологическое воображение — способность воспринимать Дух, чтобы говорить на языках Духа, переживать реальность Духа и духовно взаимодействовать с реальностью, которая, таким образом, внутренне едина только в своей множественности и через нее [19, р. 73].

Таким образом, основанный на идее пневматологического воображения подход Йонга — это «пневматология поиска», открытая для исправлений, сопротивляющаяся фундаментализму и признающая временный характер всего человеческого знания [22, р. 21–24].

Поскольку Дух удерживает воедино разрозненные вещи, не подвергая опасности идентичность каждой из них и саму целостность, пневматологическое воображение настроено на восприятие множества контекстных голосов в нашем плюралистическом мире, без необходимости их объединения. Таким образом, по мнению автора, пневматологический подход

обеспечивает богословское обоснование для выслушивания и получения свидетельства религиозных других на их собственных условиях и поддерживает сравнительную феноменологию и теологию различения [21, р. 8].

Йонг пытается, как и К. Пиннок, осмыслить природу духовного различения, затрагивая проблему критериев, норм и средств этого различения. Кроме того, он предлагает свой герменевтический подход, который во многом, по его признанию, был вдохновлен смелыми исследованиями Ф. Клуни [21, р. 19]. Пневматологическая теология религий должна быть глубоко информирована об эмпирической реальности религий, а не быть априорной проекцией христианского представления, поэтому сравнительные религиозные исследования подразумевают временный переход за границы своего вероисповедания с последующим возвращением с целью произвести адекватные (неискажающие)

категории для сравнений [23, p. 37]. Йонг фокусирует свое внимание на поиске таких сравнительных категорий, которые должны быть достаточно гибкими, чтобы можно было увеличить уровни конкретизации в традициях и через них в диалоге, и в достаточной мере точными, чтобы позволить различным символам и явлениям быть вовлеченными и сопоставленными. Например, он полагает, что

пневматологические категории божественного присутствия, божественной деятельности и божественного отсутствия достаточно неопределенны как для того, чтобы облегчить сравнительную встречу между христианством и буддизмом, и чтобы потребовать, в какой-то момент, богословской проницательности [21, p. 21].

Эти категории потенциально универсальны, их можно рассматривать как центральные элементы универсальной теологии Духа в мире. Как считает Йонг, долгосрочный результат диалогического поиска истины, движимый пневматологической теологией религии должен быть полностью реконструированным христианским богословием, которое имело бы возможность перейти в другие вероисповедания и вернуться домой уже преобразованным образом для того, чтобы эффективно проповедовать Евангелие в контексте разнообразных религий. Пневматологический подход может высвободить новый миссионерский импульс, поскольку миссия и диалог тесно взаимосвязаны [20, p. 163].

В целом, Йонг пытается обосновать предположение, что Святой Дух сможет вести христиан к истине даже через встречу с исповедующими другую веру, и что такая истина не будет противоречить, а углубит понимание истины, открытой во Христе. Он считает, что пневматологический подход к межрелигиозному диалогу может поддерживать открытость по отношению к представителям других религий, одновременно сохраняя непререкаемые истины христианской веры [21, p. 13].

Во многом современному возрождению пневматологии способствуют работы лютеранского богослова Велли-Матти Кярккайнена, в которых он, анализируя многие выдающиеся труды христианских мыслителей, стремится показать библейский взгляд на всеобъемлющую роль Духа в истории спасения. Кярккайнен замечает, что сегодня мы живем среди «пневматологического ренессанса» [5, p. 9]. Пневматологию необходимо рассматривать не как отдельную область в богословии, но как высший, основанный на тринитарном основании принцип единства, как интегрирующую тему, пронизывающую все, что мы говорим о Боге и его деятельности [6, p. 144]. Новая оценка роли пневматологии, считает он, имеет последствия для понимания предмета богословия, его метода и границ.

Своими корнями взгляды Кярккайнена уходят в пятидесятническую традицию, однако его богословская позиция обосновывается на глубоком и постоянном взаимодействии с идеями теологов разных времен и конфессий. Например, он обращает особое внимание на значимую роль пневматологии в восточно-христианском богословии и считает, что признание богатых пневматологических традиций восточных церквей, а также широкое распространение харизматического движения явились своеобразными катализаторами развития и усиления пневматологии [5, p. 10].

Обращаясь к реальности плюралистического мира, его богословие стремится исследовать вопрос о роли нехристианских религий в домостроительстве Бога. Для того, чтобы теология религий оставалась плюралистической в своем признании других религий, но и свободной от недостатков строгого плюрализма, недооценивающего различия между религиями и чрезмерно подчеркивающего общие черты, считает Кярккайнен, она должна быть в своей основе тринитарной. А в рамках тринитарного понимания обращение к особой роли Духа необходимо для исправления как односторонне теоцентрического, так и односторонне христоцентрического подходов. Однако обращение к Духу помимо его тринитарного обоснования, указывает он, создает множество проблем в понимании связи Духа и Христа, Духа и Бога, Духа и Церкви, Духа и Царства [4, р. 122]. Основной ошибкой пневматологических подходов к теологии религии, указывает Кярккайнен, являлось бы отделение Духа от Христа, делающее служение Духа независимым. Взаимоотношения между Христом и Духом взаимно предполагают друг друга, что никоим образом не отрицает универсальной сферы служения Духа. В то время как Иисус Христос представляет особенность, Дух представляет универсальность. Дух созидает Церковь Христа на земле ради дальнейшего прихода Царствия Божьего и приглашает её к взаимодействию с религиями. Кярккайнен напоминает, что понимание природы Троицы как общения включает и дает место как подлинному разнообразию, так и единству, что и является парадигмой для отношения к религиозному другому. Христиане должны стремиться лучше познать Другого, а это, в свою очередь, может привести к углублению и собственной веры. Автор считает, что

признание даров Бога в других религиях в силу присутствия Духа, а также критическое различие этих даров силою того же Духа означает, что существует реальная тринитарная основа открытости христианства по отношению к другим религиям [4, р. 124].

В итоге можно заметить, что растущий интерес к учению о Духе приводит ко все более активному его использованию мыслителями, исследующими проблемы теологии освобождения, экологической теологии и теологии религий. В рассмотренных выше интерпретациях авторами акцентируются универсальные аспекты работы Духа, понимаемого как всеобъемлющее динамическое присутствие, как животворная эсхатологическая сила, обновляющая все вещи, движущая мир к его завершению и приносящая чувство надежды миру, страдающему от современных угроз, вызовов и дегуманизирующих тенденций. В рамках новаторских пневматологических подходов мыслители стремятся показать, активно привлекая современные научные концепции, что Дух является силой, поддерживающей все творение. В силу этого, как подчеркнуто в богословии Мольмана, происходит сдвиг от антропоцентрической теологии к экоцентрическому богословию.

Другая сторона универсальной деятельности Духа проявляется в понимании того, что он пронизывает весь мир и ни одна религия не закрыта для его влияния. Авторы настаивают на относительной автономии домостроительства Духа, которое не ограничено исключительно Церковью. Святой Дух является средством провиденциальной поддержки всех религий в соответствии с волей

Отца [19, p. 46], поэтому христиане должны быть открытыми, стремиться учиться у других религиозных традиций в силу незавершенного характера христианской идентичности. Диалог с другими традициями может помочь христианам глубже проникнуть в божественную тайну.

Таким образом, поворот к пневматологии в христианском богословии религий несомненно открывает новые возможности для диалога и дает прочную основу для подхода к религиям, который не вытесняет, а, скорее, дополняет христологический. Однако это не устраняет необходимости заниматься христологическими проблемами; как замечает А. Йонг, еще слишком рано делать вывод о том, что пневматология ведет только к христологии и никуда больше. Многие проблемы и вопросы еще потребуют своего разрешения [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мольтман Ю. Дух жизни. Целостная пневматология. Серия «Современное богословие». — М.: Изд-во ББИ, 2017.

2. Hinze B. E., Dabney D. L. Introduction // *Advents of the spirit: an introduction to the current study of pneumatology* / ed. by Bradford E. Hinze & D. Lyle Dabney. — Marquette University Press, 2001., p. 11–34.

3. Imbelli R., p. Holy Spirit // *The New Dictionary of Theology* / Joseph A. Komonchak, Mary Collins and Dermot A. Lane eds. — Bangalore: Theological Publications in India, 2006.

4. Karkkainen Veli-Matti. How to Speak of the Spirit Among Religions: Trinitarian “Rules” for a Pneumatological Theology of Religions // *International bulletin of missionary research*. — 2006. — Vol. 30. — № 3. — P. 121–127

5. Karkkainen V.-M. *Pneumatology: The Holy Spirit in Ecumenical International, and Contextual Perspective*. — Grand Rapids: Baker Academic, 2002.

6. Karkkainen V.-M. *The Ecumenical Potential of Pneumatology* // *Gregorianum*. — 1999. — Vol. 80. — № 1. — P. 121–145.

7. McGrath A. E. *Christian Theology: An Introduction*. — Oxford: Blackwell, 1994

8. Moltmann J. *A Common Earth Religion: World Religions from an Ecological Perspective* // *The Ecumenical Review*. — 2011. — Vol. 63. — № 1. — P. 16–24.

9. Moltmann J. *Christianity in the Third Millennium* // *Theology Today*. — Vol. 51. — № 1. — April 1994. — P. 75–89.

10. Moltmann J. *Human Rights, the Rights of Humanity and the Rights of Nature* // *Concilium*. — 1990/1. — P. 120–135.

11. Moltmann J. *The Church in the power of the Spirit* / transl. by M. Kohl. — London: SCM Press 1992.

12. Moltmann J. *Theology of Hope* / transl. by J. W. Leitch. — London: SCM, 1967.

13. Pannenberg W. *Jesus — God and Man* / trans. Lewis L. Wilkins and Duane A. Priebe. — Philadelphia: Westminster, 1968.

14. Pinnock C. *Flame of Love: A Theology of the Holy Spirit*. — Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1996.

15. Pinnock C. H. *Systematic Theology* // *The openness of God: a biblical challenge to the traditional understanding of God* / Clark H. Pinnock, Richard Rice, John Sanders, William Hasker and David Basinger Reviewed by Dennis W. Jowers. — Downers Grove and Carlisle: InterVarsity and Paternoster, 1994. P. 101–125.

16. Pinnock C. H. Toward an Evangelical Theology of Religions// JETS 33/3. — September 1990. — P. 359–368.
17. Pinnock C. H. A Wideness in God's Mercy: The Finality of Jesus Christ in a World. — Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1992. — 217 p.
18. Varkey W. Role of the Holy Spirit in Protestant Systematic Theology: A Comparative Study of Karl Barth, Jurgen Moltmann, and Wolfhart Pannenberg. — Carlisle: Langham Monographs, 2011.
19. Yong A. Beyond the Impasse: Toward a Pneumatological Theology of Religions. — Grand Rapids: Baker Academic, 2003.
20. Yong A. Pentecost as Facet of the Church-in-Mission or Culmination of the Missio Dei? A Pentecostal Renewing of Bosch's (Reformed) Mission Theology// Missionalia. — 2020. — Vol. 47. — № 2. — P. 151–164.
21. Yong A. Pneumatology and the Christian-Buddhist Dialogue: Does the Spirit Blow Through the Middle Way?// Studies in systematic theology. — Brill, 2012.
22. Yong A. Spirit-Word-Community: Theological Hermeneutics in Trinitarian Perspective. — Eugene, OR: Wipf & Stock Pub, 2006.
23. Yong A. The Spirit Bears Witness: Pneumatology, Truth, and the Religions// Scottish Journal of Theology (Edinburgh). — 2004. — Vol. 57. — Iss. 1. — P. 14–38.
24. Yong A. The Spirit of Creation: Modern Science and Divine Action in the Pentecostal-Charismatic Imagination. Pentecostal Manifestos 4. — Grand Rapids and Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Company, 2011.
25. Yong A. The Turn to Pneumatology in Christian Theology of Religions: Conduit or Detour?// Journal of Ecumenical Studies. — 1998. — Vol. 35. — Iss. 3–4. — P. 437–454.